

Л. Р. Павлинская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Особенности формирования Российской империи наиболее отчетливо проявляются при сравнительном анализе ее становления и развития с такими же процессами в истории образования других империй. Однако исследований, в которых рассматривалось бы образование империй в сравнительном плане, крайне мало. Имеется огромное число работ, посвященных истории создания отдельных империй — Римской, Османской, Монгольской, Российской, Британской, но все они изучались как явления, относительно изолированные. В то же время существуют как единые законы формирования, развития и гибели империй, несмотря на то что они возникали в разные исторические эпохи и в разных географических пространствах, так и особенности их формирования, обусловленные множеством факторов. Изучение их представляется более надежным лишь в сравнительном плане.

Задача данной публикации состоит не столько в разработке этой сложной темы, сколько в желании привлечь к ней внимание историков и этнографов. Для последних она имеет особое значение, так как в основе образования, развития и разрушения империй лежат этногенетические процессы, на что впервые обратил внимание Сергей Михайлович Широкогоров [Широкогоров 2002: 106], а позднее доказал Лев Николаевич Гумилев [Гумилев 1990].

Впервые сравнительный анализ двух империй — Монгольской и Российской — был предпринят группой русских ученых, оказавшихся после Октябрьской революции в эмиграции. Это были лингвист и этнограф князь Н. С. Трубецкой, географ и экономист П. Н. Савицкий, философ и богослов Г. В. Флоровский, музыковед и публицист П. П. Сувчинский, историки Л. П. Карсавин и Г. В. Вернадский, юристы Н. Н. Алексеев и В. Н. Ильин.

Именно им принадлежит создание евразийской теории и обоснование такого понятия, как «историческая Евразия», ставшего столь популярным в конце XX — начале XXI в. Эта плеяда ученых провозгласила себя евразийцами. В основе их теории, созданной в результате широкого комплексного анализа географии, этнической, социальной и политической истории, культуры, языка, религии и философии стран Европы и Азии, лежало отрицание идеи универсальности историко-культурного прогресса и главное — признание уникальности и самоценности каждой этнической культуры [Исход к востоку 1921].

Центральное место в евразийской теории занимали Россия и сам ход русской истории. Русское государство и русский народ евразийцы рассматривали в плане их кардинального отличия от романо-германского (европейского) мира, их национально-культурной особенности, рожденной в историческом сплаве восточнославянского и туранского этнических массивов, сыгравших основную роль в возникновении Московской Руси. Под «туранцами» понимался широкий круг народов, принадлежащих к урало-алтайской языковой семье. Становление этой самобытной этнокультурной общности стало возможным в особом географическом пространстве, границы которого на западе проходят по р. Неман до устья Дуная, на востоке — по побережью Тихого океана, а на юге — по Кавказским горам, Памиру, Тянь-Шаню и Великой китайской стене. Именно эту территорию, за исключением некоторых маргинальных областей, и заняла Россия, включив как восточноевропейские, так и многие азиатские народы, образовав некий срединный между Европой и Азией мир, непохожий в географическом, культурном, этническом и психологическом отношении ни на одну из соседних частей Старого Света. Этот мир был назван евразийским, а само пространство — Евразия–Россия [Трубецкой 1999: 225–227].

Важной составляющей евразийской теории была идея о преемственности Российского государства и державы Чингисхана, а движение монголов рассматривалось ее авторами как начальный этап строительства континентальной империи под названием Евразия, впоследствии блестяще завершенного русскими.

Дальнейшее развитие евразийская теория получила в трудах Льва Николаевича Гумилева, который фактически первым написал историю Евразии, подтверждая научным анализом огромного фактологического материала основные положения евразийцев. Однако если евразийцы первенство в оформлении этнокультурного пространства исторической Евразии признавали за Чингисханом и монголами, пусть даже отводя большую роль в этом процессе тюркским народам, Гумилев раскрыл его во всей полноте исторической действительности, показав закономерность формирования и развития этого пространства на протяжении более двух тысячелетий — от хуннской эпохи до сложения Российской державы.

Тем не менее и евразийцы, и Гумилев основное внимание уделяли анализу преемственности сменяющих друг друга на протяжении второго тысячелетия евразийских империй и очень мало интересовались изучением различий, которые были характерны для каждой из них. Эти различия были обусловлены многими факторами, прежде всего уровнем стадийного развития, хозяйственно-культурным типом и степенью развитости религиозного самосознания.

Рассматривая роль географического фактора в истории Монгольской державы имперского периода, П. Н. Савицкий писал: «Степная полоса — становой хребет ее истории. Объединителем Евразии не могло быть государство, возникшее и оставшееся на том или другом из речных ее бассейнов, хотя как раз водные пути и способствовали тому, что на них культура Евразии достигала своего высшего развития. Всякое речное государство всегда находилось под угрозой со стороны перерезавшей его степи. Напротив, тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии» [Савицкий 1995: 258].

Однако это важное положение не совсем применимо к Российской империи, которая включала пространства тундры, тайги, лесостепи и степи. Эта существенная особенность российского этапа в строительстве исторической Евразии была обусловлена тем, что в нем принимали участие два близкородственных, но в то же время имеющих определенные различия этноса — великороссы

и казаки. Месторазвитием, или кормящим ландшафтом, первых были пространства северной лесной части Восточной Европы, вторых — степи ее южных пределов [Ключевский 1997: 259–263; Гумилев 1992: 176]. Казаки сыграли исключительную роль в становлении Российского государства, так как им (и только им) принадлежала заслуга овладения степными просторами Евразии. Хозяйственно-культурный тип (далее — ХКТ) казачества, возникший в сплаве земледелия и скотоводства, преимущественно коневодства, отличался такими чертами, как военный тип поселения и общий военизированный тип социальной организации, высокая степень сплоченности населения, обусловленные постоянной угрозой со стороны соседей-кочевников, а главное — высокая культура наездничества, в чем особенно ярко проявился тюркский, кочевнический компонент их этно- и культурогенеза. Именно эти особенности ХКТ казачества позволили России включить в свой состав степной регион Евразии, в то время как великороссы освоили ее лесные и таежные пространства.

Если говорить о «становом хребте» Российской империи, то им являлась лесостепь и прилегающие к ней лесная, южно-таежная и степная зоны, то есть та экологическая ниша, в которой могло развиваться земледелие — основной вид хозяйственной деятельности государствообразующего этноса.

Преимущество в истории этих двух империй евразийцы видели прежде всего в той ясной, простой схеме государственного строительства Московской Руси, в которой, так же как и в империи Чингисхана, «и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы — системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но, тем не менее, пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого» [Трубецкой 1999: 155]. Эта устойчивость мировосприятия являлась основой и государственного строительства, и психологического принятия четкой государственно-политической системы с простой вертикальной иерархией власти, и беспрекословного подчинения низшего уровня высшему, и прочного сохранения своей

культурной доминанты в условиях широкого этнокультурного взаимодействия.

Но представленный Н. С. Трубецким анализ основы преемственности в историческом развитии двух империй в отношении империи Монгольской был справедлив только применительно к эпохе самого Чингисхана, точнее, к периоду возвышения великого хана и обустройства им своей мощной державы. Период этот был весьма кратким. Разделенная по завещанию самого Чингисхана на четыре улуса (владения) между его сыновьями, Великая империя монголов в середине XIV в., после свержения Юаньской династии, прекратила свое существование, образовав ряд самостоятельных государств-княжеств [История МНР 1983: 179]. Процесс дробления Монгольской империи постоянно набирал силу. Так, огромный улус старшего сына Чингисхана Джучи, изначально включавший земли на запад от Иртыша, низовья Амударьи и Сырдарьи, а несколько позднее волжские степи и Русь, уже в конце XIII — начале XIV в. разделился на Золотую (на берегах Волги), Белую (на Иртыше) и Синюю (от Тюмени до Арала) Орды, а в XV в. он и вовсе стал дробиться на сравнительно мелкие государственные образования. В среднем течении Волги возникло Казанское ханство, в нижнем — Астраханское, в Крыму обособилось Крымское ханство. В причерноморских и прикаспийских степях до Аральского моря кочевала Ногайская Орда. В Западной Сибири на берегах Тобола, Ишима и Иртыша раскинулось Сибирское ханство, а северной части Восточной Европы возникла Московская Русь [Любавский 1996: 257–258].

Иначе складывалась ситуация в империи Российской: чем больше она расширяла свои владения, тем больше усиливалась централизация власти. Причины этого лежали и в особенностях ХКТ, и в уровне стадияльного развития, что наиболее ярко проявилось в системе наследования власти. Разделение территории и населения Монгольской империи между сыновьями Чингисхана привело к разрушению единой линии наследования. И хотя оно продолжало оставаться в пределах «золотого рода» Чингисхана, но шло уже по четырем ветвям, что постепенно отдаляло друг от друга и правящую элиту, и само население каждого мон-

гольского государства-улуса. В Российской империи наследование власти также сохранялось в рамках «царского рода», но четко определяло передачу правления всей империей от отца к старшему сыну, за исключением некоторых «смутных» периодов ее истории. Управление же отдельными областями находилось в руках представителей правящей элиты, но было ограничено определенным сроком и не предполагало наследования. Такая система цементировала единый государственный аппарат и ставила всех его представителей в полную зависимость от царской власти.

Существенные различия присутствовали и в системе территориально-административного управления двух империй. Как известно, основой Монгольского государства являлось военно-административное устройство, созданное Чингисханом. Он разделил все население Монголии на два крыла: правое (барун-гар) и левое (дзун-гар), каждое из которых состояло из туменов, включающих 10 тыс. воинов, а они, в свою очередь, делились на тысячи, сотни и десятки [Великая яса 2009: 468]. Таким образом, наименьшей военно-административной единицей была группа айлов, обязанная выставлять десять воинов, а самой крупной — владение, дававшее хану возможность мобилизовать 10 тыс. человек.

Эта же система действовала применительно к населению других областей развивающейся империи, которое также включалось в ряды монгольской армии [Там же: 470]. Однако в отношении территорий с главным образом земледельческим населением эта система достаточно быстро прекратила свое существование, сохраняясь какое-то время только в среде скотоводов-кочевников и дольше всего на территории самой Монголии [Далай 1983: 64]. Сам же административный аппарат при Чингисхане был очень незначительным и состоял из нескольких десятков чиновников.

Таким образом, захватив огромную территорию, в которую вошли и такие развитые государства, как Северный и Южный Китай (Цзинь и Сун), Хорезм в Средней Азии, Иран и Ирак на Ближнем Востоке, и древнерусские княжества на западе, и тюркские кочевые народы Великой степи, монголы не смогли создать единого административно-территориального управления своей империей. Это явилось одной из причин того, что как единое го-

сударство, охватывающее территорию от Тихого океана до восточноевропейских лесов, оно просуществовало менее века, распавшись затем на независимые государства-улусы. Пространства Монгольского Алтая входили в улус потомков сына Чингисхана Угэдэя. Этот улус в начале XIV в. слился с улусом потомков другого сына Великого Монгола — Чагатая, который включал территорию Средней Азии к востоку от Аму-Дарьи, Семиречье и предгорья Тянь-Шаня. Улус старшего сына Джучи лежал к западу от Иртыша, охватывая Хорезм, кыпчакские степи, Поволжье, Северный Кавказ и Крым. В русских летописях и позднейшей литературе он получил название Золотой Орды. Западная часть Средней Азии, Иран, Ирак и Закавказье составили улус внука Чингисхана Хулагу, называемый в литературе государством ильханов [Всемирная история 1957: 522]. В каждом из этих улусов постепенно складывалась своя система административно-территориального управления, основанная на сложившихся здесь еще до монголов традициях.

Центральное место в этом конгломерате государств занимала империя Юань, в которую входили собственно Монголия, Маньчжурия и Китай (1271–1368). Это был коренной улус великих ханов, управляемый потомками младшего сына Чингисхана — Тулуя. Именно он первые десятилетия своего существования сохранял определенный контроль над остальными улусами, но удержать их в подчинении длительное время правителям династии Юань не удалось.

Однако и в плане территориально-административного управления империя Юань не была единой. Вскоре в этом государстве образовались две столицы — исконная столица Великой империи в собственно Монголии Каракорум и основанный первым ханом монгольской династии Юань Хубилаем на территории Китая город Даду (Ханбалык). При этом на территории Монголии оставался очень незначительный по численности государственный чиновничий аппарат, созданный во времена Чингисхана, в то время как в Китае он не только разрастался на всем протяжении существования империи, но и изначально повторял китайскую систему управления [Далай 1983: 61]. Юаньские правители ста-

рались поддерживать уже ставшее в определенной степени видимостью единство своей империи, проводя торжества возведения очередного хана на престол в обеих столицах. Таким образом, уже само включение территории Китая в состав Монгольской империи во многом предопределило ее развал. Несколько в ином, но, тем не менее, близком ключе протекали процессы дезинтеграции Великой империи Чингисхана в других ее частях, где ранее существовали развитые земледельческие государства. Происходило это потому, что система управления, заложенная в основу своей державы Великим Монголом, работала только в обществе скотоводов-кочевников и не давала устойчивости в обществах иного ХКТ. Так, русские княжества почти полностью сохранили собственную систему управления. Нововведения монголов здесь сводились только к тому, что хан Золотой Орды назначал (давал ярлык) главного князя, отвечавшего за сбор дани и порядок во всех княжествах [Гумилев 1992: 125–127].

На территории, в частности, Китая монголы были вынуждены сохранить и местный принцип административно-территориального деления, и государственный аппарат. При формировании всей административной структуры Юаньского государства была взята за основу старая китайская система, предложенная основателю династии хану Хубилаю китайским чиновником Хао Цзинем в специальном документе, который назывался «Предложение о создании системы управления» [Далай 1983: 45]. Вся территория Китая и Маньчжурии была разделена на 10 провинций, во главе которых стояли правители, министры их помощники, назначаемые из знатных монгольских родов. Верховная власть находилась в руках хана, но под его началом был создан Великий императорский секретариат — высший орган управления, то есть центральное правительство. Начальником его назначался наследник престола. В составе правительства было шесть министерств с большим штатом чиновников. Кроме того, было создано еще два учреждения, ведавших вопросами внешней политики и контролем за деятельностью чиновников [Там же: 46–47]. Таким образом, на территории империи Юань выстроилась система управления, свойственная развитому государству с земледельческой

культурой. При этом в иерархической лестнице чиновничьего аппарата лишь верхние ее ступени занимали монголы, большая же ее часть была занята китайцами.

На территории самой Монголии сохранялась система управления, созданная Чингисханом. Продолжали существовать тумены, тысячи и сотни, которые теперь разделялись на высшие, средние и низшие, и в них на всех постах служили монголы [Там же: 61]. Следовательно, за пределами собственно монгольской территории империи административная система Чингисхана не имела социально-экономической базы и достаточно быстро начала давать сбои или вообще не могла быть применена.

Совершенно иначе складывалась система административно-территориального управления новыми землями в Российской империи, где она являлась естественным продолжением устройства Московского государства, хотя в отдельных регионах и имела свои особенности, обусловленные местными традициями управления. Основной единицей этой системы являлся уезд, оформление которого менялось во времени по мере продвижения русских в сопредельные пространства Евразии. Вновь занятые земли присоединялись сначала к уже существующему уезду, а по мере расширения территории на его окраине создавали новую административную единицу.

Этот процесс можно рассмотреть на примере административно-территориального обустройства Сибири, которой постепенно «прирастала» Московия. Размеры уездов на территории Сибири, правда, сильно отличались друг от друга. И связано это прежде всего с природно-ландшафтными условиями сибирского пространства.

Семнадцать из двадцати сибирских уездов XVII в. располагались в лесостепной, степной и южно-таежной зонах. Все остальное пространство сибирской тайги и тундры вмещалось в три уезда, которые по своим размерам почти в четыре раза превышали остальные семнадцать. Это объясняется тем значением лесостепи и прилегающих к ней степных и южно-таежных пространств, которые эта область Сибири занимала в государственной экономике.

Для Московской Руси лесостепной пояс Сибири стал прежде всего той естественной природной базой, которая позволила приступить к созданию многонациональной державы. Лесостепной ландшафт был той природно-географической средой, в которой русские смогли развить свой тип хозяйства (земледелие и животноводство), сосредоточить значительную часть русского населения, заложить прочную основу своей культуры и государственности. Поэтому если в целом Сибирь и являлась периферией по отношению к европейской части Российской империи, то в самой Сибири лесостепной регион был ее центром, ее житницей, позволившей русским прочно утвердиться в Северной Азии. В силу этих причин административно-территориальная разработка лесостепной полосы с прилегающими к ней южно-таежными и степными районами приобрела наиболее дробную, но в то же время и тщательную проработанную форму. Именно здесь сосредоточились основные административные центры Российского государства в Сибири и, следовательно, вся система государственной власти, здесь развивалась и сельская, и городская культуры, образуя основной хребет русской государственности. Именно поэтому в лесостепной полосе Москва создавала небольшие, компактные, легко управляемые уезды, совершенствуя их оформление на протяжении всего XVIII в. Таежные и тундровые пространства Сибири оставались вплоть до конца XIX в. фактически вне сферы интенсивного экономического и культурного влияния русских. Эти регионы, за исключением речных долин, оставались приоритетными для автохтонного сибирского населения. Поэтому, установив здесь политическое господство и умело подключив к управлению местные властные структуры, Москва не испытывала необходимости выстраивать здесь собственный разветвленный административный аппарат, а отсюда и не возникало потребности устройства большого числа уездов как административно-территориальных единиц.

В то же время внутренняя административная структура уездов отличалась удивительно четким построением. Как и в европейской части империи, его основной единицей была волость. Более того, это была единая система как для русского, так и коренного, так называемого ясачного, населения [Долгих 1960: 24].

Эту волостная система хорошо видна на примере Березовского уезда. Город Березов был основан в 1593 г. на левом берегу р. Сосьвы на месте остяцкого городка Сугмут-ваш. Большинство образованных здесь остяцких волостей носят географические названия, образованные от названий рек, — Казымская, Куноватская, Сосьвенская, Ляпинская [Там же: 64–70]. Но именно территории, прилегающие к речным долинам, являлись местом концентрации автохтонного населения, занимающегося рыболовством и охотой, каковым и являлись остяки. Здесь по речным долинам проживали субэтнические подразделения остяцкого этноса. Конечно, в целом занимаемая остяками территория была разделена между тремя уездами, но все эти уезды входили в одно государство, и законы и порядки в их управлении практически не отличались. А вот внутреннюю структуру этноса русские власти старались всегда сохранить, определяя территорию каждой ясачной волости в соответствии с исконными землями той или иной этнической группы. Более того, намеченные вначале формирования границы той или иной волости в дальнейшем часто уточнялись и изменялись, если они не соответствовали естественной территории расселения этнической группы, а иногда волость вообще передавалась в другой уезд в целях объединения субэтноса или этноса. Эта политика устройства Сибири сохранялась на протяжении всего периода освоения региона русскими. Конечно, система административно-территориального управления со временем менялась, развивалась вместе с развитием самого государства. Вводились новые административные единицы (воеводства, наместничества), со временем они отменялись, но в целом система управления никогда не теряла цельности, и уездно-волостной принцип сохранялся на протяжении всего имперского периода в истории России.

Конечно, конкретное воплощение волостной и уездной систем не было идеальным и не всегда полностью соответствовало реальным границам обитания всех коренных народов, прежде всего в силу подвижного или кочевого образа жизни и ведения хозяйства многих из них. Тем не менее Москва стремилась как можно более точно соотносить систему государственного управления

с расселением коренных народов. Более того, на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. российское правительство совершенствовало свою административно-территориальную систему управления огромной территорией государства.

Важной особенностью государственного обустройства Сибири было отсутствие в нем крупного частного землевладения и крепостной зависимости, в отличие от европейской части империи. Все земли региона являлись собственностью государства, а его население — и русские, и коренные народы — государственными подданными, они подчинялись единому административному аппарату. Этот факт практически не анализировался историками в плане его роли в целостности империи, тем не менее он имел огромное значение для стабильности ее существования.

Особая роль в формировании Российской империи принадлежит православию. Оно являлось государственной религией и религией государствообразующего этноса. В этом и состоит существенная разница Монгольской и Российской империй. Как в Монгольской, так и в Российской империи на государственную службу принимались представители различных народов, что определялось толерантностью и монгольского, и русского этносов. Но если в Монголии каждый член государственного аппарата мог придерживаться своих религиозных убеждений, то в России он должен был принять государственную религию. И если на первом этапе переход в православие был формальным, то через одно-два поколения потомки становились истинно православными. Следовательно, весь многоуровневый государственный аппарат Российской империи был скреплен единым религиозным сознанием, что прочными узами связывало его с государствообразующим этносом.

Таким образом, недолговечность единой Монгольской империи и длительное существование Российской естественным образом кроются в существенном различии уровней их стадийального развития, хозяйственно-культурных типов, единстве религиозного самосознания и этнопсихологии монгольского и русского этносов. Тем не менее, казалось бы, на первый взгляд неправомерное сравнение этих держав на самом деле ставит проблему

изучения как общих законов формирования империй на разных исторических этапах и в разных природно-ландшафтных зонах Старого Света, так и тех особенностей, которые были присущи каждой из них.

Библиография

Великая яса 2009 — «Великая яса» // Чингисиана: свод свидетельств современников / Пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М., 2009. С. 463–477.

Всемирная история 1957 — Всемирная история: в 10 т. М., 1957. Т. 3.

Гумилев 1990 — *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.

Гумилев 1992 — *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. СПб., 1992.

Далай 1983 — *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.

Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; Т. 55).

История МНР 1983 — История Монгольской Народной Республики. М., 1983.

Исход к востоку 1921 — Исход к востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев: Сб. ст. София, 1921.

Ключевский 1997 — *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997. Кн. 1.

Любавский 1996 — *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

Савицкий 1995 — *Савицкий П. Н.* Географический обзор России–Евразии // Мир России — Евразия. М., 1995. С. 254–276.

Трубецкой 1999 — *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М., 1999.

Широкогоров 2002 — *Широкогоров С. М.* Избранные работы и материалы. Владивосток, 2002. Ч. 2: Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений.